

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ДЛЯ АСПИРАНТОВ-ЮРИСТОВ

Малинова Изабелла Павловна

Профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор философских наук, ORCID: 0000-0003-2849-3858, e-mail: mag@usla.ru.

Основная задача спецкурса для аспирантов юридического профиля по философии права – формирование у начинающих ученых-юристов способности свободно ориентироваться в правовой картине мира, ее научном осмыслении и перспективах развития. В методологически ориентированном тексте спецкурса доминирует не воспроизведение исторического генезиса философии права, а выступающая в качестве модели текстообразования нелинейная логика ассоциативного конструирования целостного контента философии права – как интеллектуальной основы правовой картины мира, ее осмысления и коллегиально продуцируемой в юридических практиках системы дедуктивных начал профессионального юридического мышления.

Ключевые слова: философия права, методология, эпистемология права, пост-структурализм, свобода и произвол, истинность как свойство текста

Для цитирования: Малинова И. П. Философия права для аспирантов-юристов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 3. С. 43–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_43.

PHILOSOPHY OF LAW FOR POSTGRADUATE LAW STUDENTS

Malinova Isabella

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of philosophical sciences, ORCID: 0000-0003-2849-3858, e-mail: mag@usla.ru.

The main objective of the special course on the philosophy of law for postgraduate law students is to form the ability of novice legal scholars to freely navigate the scientific and legal picture of the world, its scientific understanding and development prospects. The methodologically oriented text of the special course is dominated not by the reproduction of the historical genesis of the philosophy of law, but by the non-linear logic of associative construction of the integral content of the philosophy of law, acting as a model of text formation. The latter is an intellectual basis of the legal picture of the world, its comprehension and the system of deductive principles of professional legal thinking collectively produced in legal practices.

Key words: philosophy of law, methodology, epistemology of law, post-structuralism, freedom and arbitrariness, truth as a property of the text

*For citation: Malinova I. (2022) Philosophy of law for postgraduate law students. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 43–56, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_3_43.*

Введение

Слово «аспирант» означает в переводе с латинского «стремящийся». Очевидно, что аспирант стремится к научному творчеству и достижению научной степени, для получения которой необходимо сначала сдать кандидатский минимум по ряду дисци-

плин, в том числе по обязательной для всех специальности «История и философия науки», в рамках которой для более углубленного изучения может быть избрана любая научная отрасль – в зависимости от образовательных целей.

Как показывает опыт, нет ни кандидатских, ни докторских диссертаций по правовой проблематике, методологические и концептуальные основания которых не были бы почерпнуты в контенте философии права. Подготовка аспирантов юридического профиля к научной деятельности требует изучения философии права – самостоятельной науки, продуцирующей большие посылки силлогизмов юридического мышления и концептуальные основания общественного и индивидуального правосознания. Их изучение необходимо для формирования юридического мировоззрения и освоения широкого спектра методов решения конкретных вопросов в сфере юридической практики, а также методологических подходов к исследованию правовых проблем высокого уровня общности (законотворчество, правоприменение, нормативный статус интерпретационных актов и др.).

Предлагаемый текст расширяет спектр выбора философских и философско-правовых концептов для использования их в качестве методологических моделей в конструировании авторской научной концепции или в решении проблем, возникающих в юридической практике. Один из главных признаков научности текста – это его методологичность, т. е. наличие универсальных мыслительных схем, которые или почерпнуты из других научных теорий, отраслей, или созданы в ходе данного исследования и могут быть использованы другими исследователями либо в русле развития данной теории, либо в других научных областях.

Опыт работы с аспирантами юридического профиля показал, что для этого контингента очень важно адекватное задачам научной работы понимание смысла понятий «метод», «методология», «философские методологические модели» и «философско-правовые методологические модели».

Метод – это универсальная (в пределах обоснованных аналогий) модель организации деятельности, инвариантная¹ к ее содержанию. *Научный метод* – это универсальная мыслительная конструкция, способная выступать средством развития теорий достаточно широкого проблемного спектра.

Дискурс – это сложившаяся на основе определенной парадигмы система правил вербального выражения содержания сознания (профессионального, научного и др.). Синонимы для слова «дискурс» – «понятийный аппарат», «язык», «лексикон» (определенной научной отрасли или правовой системы). В научном творчестве ученый может в исследовательских целях сочетать разные дискурсы. Так, философско-экономическую концепцию К. Маркса принято сводить к материализму, чуждому человеческим личностным интересам. Однако из его текстов следует, что этот мыслитель сочетал дискурс созданной им макроэкономики с антроповедческими дискурсами, о чем свидетельствуют его научные афоризмы: «Материальное производство – это раскрытая книга человеческой психологии», «Реклама – евнух промышленности».

Парадигма – это константная (закрепленная в определенной области человеческой деятельности) система смыслов, правила смыслообразования которой задают границы ее изменений. Например, в Советском союзе не было частной собственности, в правовой системе Советского союза не было понятия «частная собственность», не было этого института и в советском законодательстве. В системе научного знания выделяются классическая и неклассическая парадигмы типов научной рациональности, поэтому в научных исследованиях, посвященных правовой проблематике, весьма плодотворны компаративистские подходы, основанные на сопоставлении методологических моделей классической и неклассической философии права.

Методология – это совокупность методов, системообразующим основанием которой является единство дискурса как инструментария реализации данных методов.

Философская методологическая модель – это философская концепция, обладающая свойствами универсальной мыслительной конструкции, которую можно избрать в качестве методологической модели решения тех или иных практических или теоретических проблем. Например, согласно теории эйдосов Платона ни один

¹ Инвариантный – неизменный при любых трансформациях.

предмет, отягощенный материей, не может быть идеальным, т. е. полностью совпадающим с эйдосом, определяющим его сущность. Эта философская концепция была обоснована Платоном в IV в. до н. э., но не устаревает. Ее методологический спектр многогранен. Особое значение она имеет для обоснования критического отношения к политическому авантюризму, нередко выражающемуся в цивилизационном утопизме – проектах создания идеального общественного строя – или, например, в пропаганде безусловного совершенства определенных наций, государств и культур, что якобы является свидетельством их превосходства над всеми остальными и дает право на дискриминацию последних.

Философско-правовая методологическая модель – это философско-правовая концепция, которую можно использовать в качестве универсальной мыслительной конструкции, т. е. методологической модели решения тех или иных практических или теоретических проблем. Например, категорический императив И. Канта и кантовское определение права являют собой взаимосвязанные, методологически потенцированные мыслительные конструкции, содержащие широкий спектр методов решения практических или теоретических проблем в сфере юриспруденции.

Эффективность использования философских и философско-правовых методологических моделей в научных исследованиях обусловлена тем, что в результате ассоциативного поиска аналогичных поисковой задаче концепций формируется спектр контекстов конструирования авторской научной концепции. Именно поэтому в учебной программе юридической аспирантуры должен преподаваться спецкурс по философии права, содержащий ссылки на особенности классической и неклассической философии права и их сопоставление.

Философия права имеет фундаментальное методологическое значение для юриспруденции (как в области теории, так и в области юридических практик). Усредненного философского дискурса не существует, так как бытие философского знания разворачивается в виде определенных философских учений, направлений, школ. У каждой из них есть свой понятийный аппарат и специфичные мыслительные конструкции. Можно выделить следующие философские методологии (с присущими им дискурсами):

- 1) концепции античных философов (Сократ, Платон, Аристотель и др.);
- 2) диалектико-материалистическая методология (Карл Маркс, Фридрих Энгельс);
- 3) позитивизм (Огюст Конт);
- 4) неопозитивизм (Людвиг Витгенштейн, Бертран Рассел, Алфред Айер, Рудольф Карнап, Хилари Патнем, Карл Поппер);
- 5) экзистенциализм (Жан-Поль Сартр, Альбер Камю);
- 6) феноменология (Мартин Хайдеггер);
- 7) психоаналитическая философия (Зигмунд Фрейд, Карл Юнг);
- 8) классические философские концепции (Иммануил Кант, Георг Гегель, Готлиб Фихте);
- 9) неклассические философские концепции (представители постмодернизма: Мишель Фуко, Юлия Кристева, Ролан Барт).

Определение права И. Канта как философско-правовая методологическая модель.

Понятие свободы, виды свободы, их соотношение с правом.

Свобода и произвол

В классической философии права право определяется через понятие свободы. Например, Г. Гегель отождествлял идею права (т. е. сущность права) с идеей свободы. Однако И. Кант рассматривал сущность права в прямо противоположном аспекте – через формулу «ограничение свободы». В этом своеобразном концептуальном противоречии заложена креативная методологическая модель: в данном определении И. Кант легитимирует регламентирующую функцию права в контексте общественных отношений, уточняя, что упомянутые правовые ограничения свободы каждого гражданина имеют в своей основе условие согласования ее с такой же свободой других членов общества: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону»;

а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое полное согласие»¹.

Уместно отметить, что И. Кант создавал свой категорический императив на основе концепций философов не только XVII–XVIII вв., но и Античности (прежде всего стоиков).

С точки зрения стоиков, судьба человека predetermined и не может быть изменена, но человек свободен, так как может самостоятельно определять свое отношение к происходящему. Хотя человек не может изменить ход событий, которые грядут на его жизненном пути, его частная воля, если она не противоречит законам миростроя, может быть реализована тем успешнее, чем больше соответствует правовому всеобщему.

Эти идеи стоиков нашли выражение в основополагающих принципах римского частного права: уважение частной воли, правовая защита частной воли при условии ее непротиворечия закону. Это отражено в Дигестах Юстиниана в виде абстрактного общего принципа: «Закон не может быть изменен волей договаривающихся сторон». Кроме того, в Императорском рескрипте Антонина и Вера правовое всеобщее представлено в формате нормативно установленной правовой защиты интересов всех граждан полиса: «Частные соглашения, несомненно, не могут причинять вреда праву других лиц»².

И. Кант пришел к такой концепции права в 1781 г. в работе «Критика чистого разума». И эту идею, как он сам указывал, он почерпнул у Платона, сославшись на первообразы права, обоснованные Платоном в IV в. до н. э.: «паритет свободных волей», «свобода через подчинение обязанности (закону)».

Идея паритета свободных волей – одного из основополагающих принципов права – была убедительно аргументирована Сократом в споре с Аристиппом, утверждавшим, что законы полиса для него недействительны. Сократ сформулировал принцип «обращаемости зла», отметив, что Аристипп был бы прав, если бы его пути не пересекались с путями других, и что, пренебрегая законами, человек рано или поздно ощутит бремя их нарушения в отношении себя.

И. Кант, определив понятие свободы как способность самостоятельно начинать ход событий, выделил следующие ее виды: свобода целеполагания, практическая свобода, произвол. В текстах И. Канта понятие «произвол» фигурирует синтагматично, меняя смысл в зависимости от контекста. Именно этим можно объяснить вариативность определений права, созданных И. Кантом и вошедших в базовый контент философии права. В работе «Метафизика нравов» И. Кант рассматривал понятие «произвол» в эмпирическом ракурсе, на основе наглядного примера рыночных отношений между двумя лицами, не установившими определенных правил своей сделки и поэтому не имеющими четких представлений о целях друг друга, а значит, и о результатах сделки. Назвав такой эмпирически представленный тип отношений «двусторонним произволом», И. Кант показал, что произвол – это не свобода как таковая, и выразил сомнение в том, «совместим ли в такой форме поступок *одного* из двух лиц со свободой *другого*, сообразной со всеобщим законом»³. В этой же работе И. Кант отметил: «Чисто эмпирическое учение о праве – это голова... которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»⁴. Этот фрагмент может прояснить следующие концепты.

Во-первых, понятия «произвол» и «свобода» не являются безусловными синонимами, но иногда именно так использовались И. Кантом. Во-вторых, в лексиконе философии права за понятием «произвол» постепенно закрепился иной смысл: произвол – это свобода без правил, а значит, несвобода, так как свобода – это производное от ограничений (разум, налагая на себя ограничения, создает пространство свободы). Отсутствие ограничений порождает полную неопределенность, потому что без ограничений нет выбора, а там, где нет выбора, нет свободы. В западном правовом мен-

¹ Кант И. Об отношении теории к практике в морали вообще // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЦОРО, 1994. Т. 8. С. 176.

² Дигесты Юстиниана: в 8 т. / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1. Кн. 1–5. С. 297.

³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

⁴ Там же.

талитете эта конструкция была основополагающей довольно долго – примерно до середины XX в. Однако в дальнейшем под влиянием идей постструктурализма она была деформирована, размыта другой – псевдолиберальной – концепцией свободы, в которой свобода отождествляется с произволом.

И. Кант выделял два вида воли: «свободная» и «животная». «Свободная воля» – воля, основанная на разуме; И. Кант называл ее свободной, потому что разум дает возможность свободного выбора. Мыслитель руководствовался концепцией Сократа «Знание – основа добродетели» в сочетании с античной идеологемой: «Человек может быть свободным и счастливым, если действует в соответствии с законами миростроя, а они доступны только разуму». «Животная воля» – воля, основанная на эмоциях, неконтролируемых влечениях; ее Кант называл несвободной, потому что чувство не дает выбора, безраздельно завладевая волей человека. В обыденном сознании, как правило, доминирует иллюзорная модель свободы: «Что хочу, то и делаю», т. е. свобода отождествляется с произволом. Однако надо различать свободу удовлетворения владеющих человеком сиюминутных влечений и свободу самореализации, требующую самоограничений и усилий (в XX в. представителями философской антропологии было признано, что смысл жизни состоит в наиболее полной самореализации человека).

Б. Спиноза всю жизнь искал ответ на вопрос, что есть человеческая свобода, и создал философскую концепцию, которая вошла в интеллектуальную историю в виде популярного афоризма: «Свобода – это осознанная необходимость». На самом деле это формулировка Ф. Энгельса, выразившего таким образом смысл концепции Б. Спинозы, изложенной им в работе «Этика». Рассматривая соотношение права и свободы по аналогии с соотношением субстанции и модуса, Спиноза пришел к выводу, что «воля, которую мы называем свободной, основана на разуме». Эта концепция была развита И. Кантом и стала основополагающей в философии права¹.

Право как основа общественного прогресса. И. Кант об антагонизме

В научной и учебной литературе роль права в обществе нередко сводится к средству достижения социального компромисса. Однако это поверхностная интерпретация кантовского определения права, в котором говорится о необходимости согласования свободных волей в правовом регулировании.

Логика И. Канта в построении оригинальной концепции самосовершенствования индивида и общества основана на ином понимании мотивов индивидуального самосовершенствования членов общества и, соответственно, роли права в общественном прогрессе. Порядок обоснования этой концепции таков:

1. Природа наделила человека безграничными универсальными возможностями, способностями.

2. Реализация последних требует от человека соответствующих усилий и забот.

3. Для их реализации нужен стимул.

4. Таким универсальным стимулом является антагонизм между людьми: «Средство, которым пользуется природа, чтобы обеспечить развитие всех задатков людей, есть антагонизм между ними в обществе»²; «Природа заботилась не о том, чтобы человек хорошо жил, а о том, чтобы вследствие глубокого преобразования самого себя он стал достоин жизни и благополучия»³.

Под антагонизмом И. Кант понимал конкуренцию. Он был лютеранином – мыслителем эпохи развивающегося капитализма, поэтому в его концепции нашло выражение рыночное мировоззрение, в котором право – это рынок, где эквивалентом всех благ является свобода. (Видимо, поэтому богиня правосудия изображается как продавщица – с весами.)

И. Кант ввел понятие «всеобщее правовое гражданское общество», назвав его обществом свободных людей, т. е. людей, живущих в постоянном антагонизме⁴. Право

¹ Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: моногр. 2-е изд. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. С. 42.

² Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: к вечному миру. Алматы: ВШП «Әділет», 1999. С. 91.

³ Там же. С. 89

⁴ Там же. С. 95.

есть основа социального прогресса, потому что только оно может установить должную меру этого антагонизма, необходимую для стимулирования самосовершенствования людей и тем самым самосовершенствования общества, т. е. для общественного прогресса. Гарантом соблюдения этой меры является категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»¹. Категорический императив Канта не может быть интерпретирован как принцип самозаконности, поскольку сопряжен с основополагающим принципом кантовской этики: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»².

И. Кант определял критериальные различия между видами свободы через их соотношение с правовым регулированием. Свобода целеполагания – это свобода мышления, совести, она не регулируется правом, потому что мышление или свободно, или это не мышление, совесть или свободна, или это не совесть. Римскому юристу Ульпиану принадлежит афоризм: «Образ мыслей ненаказуем». Практическая свобода – это свобода, реализующаяся в поступке. Она регулируется правом, поскольку поступок как внешнее выражение воли одного субъекта может иметь своим результатом взаимодействие с волей другого субъекта. Произвол – это свобода без правил, фактически несвобода, потому что где нет выбора, там нет свободы, а выбор возможен только при наличии ограничений, разграничений. Отсутствие ограничений растворяет свободу в неопределенности. Гражданская свобода как свобода, обеспеченная государством и правом, есть производное от законодательных регламентаций, основанных на фундаментальных общественных идеалах и ценностях, но не с точки зрения их законодательного утверждения, а с позиций установления тех границ практической свободы, которые не противоречат этим ценностям.

И. Канту нередко приписывается раскритикованная им формула: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». В религиозном сознании этот принцип уместен, а в светском он вполне может трактоваться как принцип коррупционной поруки: «Ты – мне, я – тебе». В подтексте этой «прекраснодушной» формулы просматривается возможность, дозволение подмены правовой нормы сделкой на основе «произвола воли». В действительности И. Кант обосновал другой принцип: «Действуй так, как если бы ты хотел, чтобы в отношении тебя действовал тот же закон, которым ты руководствовался в своем поступке».

Оппозиции классической и неклассической философии права в XX–XXI вв.

Во второй половине XX в. основной проблемой, связанной с влиянием правосознания на развитие права, было противоборство между классической и неклассической традициями в философии права.

В середине XX в. (60-е гг.) представители постструктурализма (Мишель Фуко, Феликс Гваттари, Жак Деррида, Жиль Делез, Юлия Кристева) выступили с теорией, альтернативной классической кантовской концепции когерентного соотношения свободы и права, манифестируя привлекательную для молодежи мифологему, согласно которой свободным является поступок, основанный на безумии, а идеалом свободного человека является шизоид.

В дискуссиях о соотношении права и свободы центральными являются вопросы юридизации понятия «свобода», поскольку именно оно задает логику законодательного мышления в области совершенствования норм о правах человека.

Реализация в жизни общества классической кантовской концепции практической свободы строится на том, что ее регламентация со стороны государства задается открыто манифестируемыми правовыми нормами, которые в конечном счете выступают предметом осмысленного выбора.

Постструктурализм же настаивает на том, что подлинная властная регламентация человеческого поведения осуществляется латентно, на уровне повседневных дискурсивных практик. В результате постструктуралисты пришли к выводу, что поступки, основанные на разумном, осознанном выборе, несвободны, ибо совершаются по за-

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. С. 323.

² Кант И. Основы метафизики нравственности. 1785 // Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. С. 270.

ложенным в самом языке стереотипным схемам подчинения человека власти, и только уход из-под контроля довлеющего дискурса в практики отклоняющегося (девиантного) поведения, в «безумие» дает субъекту возможность избежать повседневного рабства, в которое вовлечены все, кто нормален.

Неклассическая философия права.

Постструктуралистская концепция соотношения свободы и права

Легитимация (в данном случае – философское обоснование) скандальных концепций постструктурализма о соотношении свободы и права была основана на идеях Ф. Ницше, изложенных в работе «К генеалогии морали»: «Право господ давать имена заходит столь далеко, что позволительно было бы рассматривать само начало языка как проявление власти господствующих натур»¹. Такая разоблачительная интонация, направленная против «господ», отвечала духу времени и оказала влияние на европейский правовой менталитет. Постструктуралисты, развивая идеи Ф. Ницше, внедрились в социальную логику Европы смысловую цепочку:

1. В обществе, кроме институциональных форм власти, существуют и неинституциональные. В первую очередь, это власть языка, т. е. власть над мышлением, поскольку в языке заложены латентные регуляторы мышления, задающие стереотипы человеческих мотиваций, оценок, принятия решений.

2. Естественным, неотъемлемым правом человека является его право на свободу.

3. Чтобы избавиться от репрессивной функции языка и тем самым обрести свободу, надо сойти с ума, т. е. выйти из-под власти языковых шаблонов и тех норм, которые навязываются средствами отредактированного «господами» языка.

4. Поскольку условием реализации неотъемлемого права человека на свободу являются девиантные формы мышления и поведения, постольку человек имеет право на девиантное поведение, поэтому попытки на основе юридически установленных норм ограничивать последнее весьма сомнительны с точки зрения права человека на свободу.

Стивен Хикс писал: «В рамках прагматической версии постмодернизма нельзя доверять ни одной абстрактной или универсальной теории права. Теории ценятся лишь настолько, насколько они способны предложить юристу или судье полезные вербальные инструменты. Однако оценки полезности субъективны и изменчивы, и потому правовой мир становится полем боя для постмодернистов. Поскольку не существует универсально обоснованных правовых принципов справедливости, дискуссии превращаются в риторические битвы личных интересов... Так называемая объективность и нейтральность правовой аргументации – просто мошенничество. Все решения по сути субъективны и продиктованы личными предпочтениями и политикой»².

Основным предметом противоборства цивилизационных стратегий является борьба за доминирование аккредитованных в них систем ценностей. Для анализа этой глобально разворачивающейся проблемы необходимо дать четкое определение понятия «система ценностей».

Система ценностей – это складывающаяся в общественном сознании система координат самоопределения человека в социальном пространстве – как в культурной среде, так и в сфере витальной прагматики, задающей критерии человеческого благополучия и общественного блага. В противоборстве цивилизационных стратегий идеологически укорененные в них системы ценностей играют роль навигаторов, определяющих цели и тактику реализации политических программ, ориентированных или на защиту традиционных аксиологических устоев, или на глобальное доминирование сконструированных в целях идеологического и политического закрепления программ однополярного мира в интересах резидентов «золотого миллиарда».

Современные философы и политологи не остаются в стороне от проблемы конкуренции систем ценностей. Так, известный своей склонностью к парадоксальным

¹ Ницше Ф. К генеалогии морали: полемическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флеровой; сост. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 417.

² Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 32–33.

суждениям Фрэнсис Фукуяма избрал позицию обесценивания человека как высшей ценности, задав мировому сообществу риторический вопрос: «Почему не дать насекомым, бактериям, кишечным паразитам и вирусам ВИЧ тех же прав, что людям?»¹

Можно сформулировать следующие критические замечания по поводу идеологем постструктурализма.

Во-первых, криминогенность идей постструктурализма во многом связана с тем, что критерии демаркации девиантного и деликтного поведения не являются абсолютными константами. Следовательно, категоричная, манифестированная на уровне прав человека легитимация девиантности неизбежно провоцирует рост преступности.

Во-вторых, сумасбродство и девиации не делают человека свободным, поскольку бред сумасшедшего – это бред на том языке, на котором «сумасшедший» до этого мыслил и говорил (просто выраженный в парадоксально-утрированной форме). В постструктуралистской философии свобода ассоциируется с тотальной антинормативностью и произволом. На правосознание это проецируется как легитимация различных форм девиантного поведения и выступает ассоциативной базой агрессивно внедряемых в массовое сознание идеологем «окон Овертона», транслирующих стандарты порочных мотиваций.

В-третьих, общественное правосознание не может строиться на противопоставлении различных уровней *вменяемости* определенных категорий граждан. Право призвано сохранять и культивировать человеческую целостность, и в этом большая роль принадлежит правосознанию, в котором нет отождествления свободы и произвола.

Подлинный смысл коренного для права понятия «свобода» в равной мере далек как от одномерного, плоского консерватизма, так и от его фиктивного антипода – радикального отрицания традиционных ценностей. Человек свободен ровно настолько, насколько располагает собой в качестве культурного существа и способен освоить те возможности, которые культура дает ему для самореализации. Достойной альтернативой постструктуралистскому отождествлению свободы и произвола являются классические философско-правовые концепции соотношения свободы и права, согласно которым эффективными гарантами свободы личности, ее защиты от манипуляций сознанием являются культура, образованность и просвещенность.

Альтруистические основания права. Г. Фихте: право на культуру

Готлиб Фихте в своей теории естественных прав человека особо выделил культуру в качестве основы самосовершенствования и реализации права на жизнь: «Культура – это неотчуждаемый и не довлеющий над человеком, а органично присущий ему способ самосовершенствования себя и других, человечества в целом»; «Культура – это последнее и высшее средство для конечной цели человека – полного согласия с самим собой»². Философ доказывал, что без реализации этого права человек не может полноценно реализовать все свои права. Именно в сфере культуры свободные люди могут свободно оказывать друг на друга влияние, взаимно способствуя полноценной самореализации. Право на культуру – это право на саму правоспособность. Свои неотъемлемые права человек может реализовать полноценно, будучи воспитанным в определенной культуре, усвоив эту культуру.

Г. Фихте создал философию реал-идеализма (идеал-реализма), в которой весь мир – это мир человека и все, что делает человек, он делает в своем мире. Развивая эти идеи, мыслитель сформулировал альтруистические основания права, дал философское обоснование законопослушного поведения. Логика его рассуждений такова:

1. Природа наделила человека безграничными универсальными возможностями, способностями.

2. Трагизм человеческого бытия в том, что эти способности, возможности не могут быть в полной мере реализованы, потому что человеческая жизнь конечна. Однако этот витальный трагизм преодолим: то, чего не может индивид, могут другие члены рода и это наполняет его жизнь полнотой и смыслом.

¹ Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? / пер. с фр. Л. Е. Куббеля, пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Родина, 2018. С. 158.

² Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 16, 17.

3. Человек, осознавая себя членом рода, получает возможность полноценно самореализоваться и компенсировать страх невозможности полной самореализации: «То, что называется смертью, не может уничтожить моего творения, потому что мое творение должно быть закончено, и оно не может быть ни в какое время закончено, следовательно, для моего существования не определено какое-нибудь время, и я вечен»¹.

Русский философ права П. И. Новгородцев высказывал недоумение по поводу противоречивости следующих утверждений Г. Фихте: «Государство вправе требовать от гражданина всех его сил и способностей без остатка»; «Никто не смеет относиться к человеку как к вещи, навязывать ему, даже в его интересах, свою волю». Но на самом деле здесь нет противоречия. Во-первых, по глубочайшему убеждению Г. Фихте, никто не должен навязывать свою *частную* волю другим субъектам, но в качестве уполномоченного лица субъект вправе предъявлять требования согражданам в соответствии со своими гражданскими правомочиями. Во-вторых, по мнению Г. Фихте, у государства есть экзистенциальная задача – создавать гражданам условия для их свободной самореализации, а для этого надо, чтобы отдельные члены общества не разрушали проявлениями своей дурной особенности полноту, целостность, смысл бытия других граждан. Это требует, наряду с правовой защитой личности, охраны общественного порядка, иногда связанной с принуждением.

В правовую политику государства не входит обязанность сделать каждого члена общества счастливым, но власти должны обеспечивать необходимые условия для того, чтобы каждый гражданин мог самостоятельно добиться счастья. К числу таких необходимых условий относится возможность граждан жить среди культурных, хорошо воспитанных и образованных людей. Поэтому государство должно протекционировать культуру, образование, просвещение, способствуя развитию гражданского общества.

Философия права Г. Гегеля. Ее современное значение

Г. Гегель рассматривал развитие права как развитие идеи свободы, поскольку «идея права – это идея свободы».

В работе Г. Гегеля «Философия права» исследованы две модели саморазвития права. Первая модель – это иерархично представленные в оглавлении названной книги этапы генезиса права, рассматриваемого в единстве исторически сложившихся правоотношений и их отражения в правосознании:

- 1) абстрактное право, в котором еще не вполне сформировано соотношение субъективных прав и коррелятивно связанных с ними обязанностей;
- 2) моральность: «мое право» находится в отношении внешней обусловленности с моими обязанностями;
- 3) нравственность: «мое право» находится во внутренней обусловленности с моими обязанностями и с правами других.

Вторая модель саморазвития права – это развитие права от права собственности к «праву особенности», когда право стало защищать не только собственность, но и личность, ее духовные ценности.

Концептуализируя понятие особенности, Г. Гегель ввел понятие «внутренняя собственность духа», сопроводив его признанием: «Это моя душа, тело, все, что создано моим творчеством и принадлежит мне, мои чувства». При этом Г. Гегель уточнил: «Владение телом и духом, которое достигается образованием, занятиями, привычками и т. д., представляет собой внутреннюю собственность духа»². Г. Гегель позитивно оценил возможность договорного отчуждения элементов внутренней собственности духа: «Все мое тело и моя жизнь могут быть предметом договорного отчуждения».

В XX в. реализовались все идеи великого мыслителя, в которых сегодня просматривается предвидение технологий, способствующих увеличению степеней свободы и расширению возможностей самореализации человека: информационные технологии распространения знаний в обществе, жизнеобеспечительные технологии – переливание крови, трансплантация, ЭКО и др. В социальной легитимации этих новаций

¹ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 41.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 103.

большую роль сыграла современная юриспруденция, придерживающаяся адекватных интересам человека и общества принципов правовой защиты особенности. Классический философско-правовой дискурс не только не устарел, но и наращивает свою актуальность.

В текстах Г. Гегеля методологическая плодотворность понятия «внутренняя собственность духа» проявилась в широком тематическом спектре:

1. Автор книги «Философия права», изучая содержание и суть науки о праве, отметил во введении «абсолютную ценность культуры» в праве¹.

2. Г. Гегель, признавая абсолютную ценность культуры, исследовал правовой статус и роль носителей культуры в развитии права: «Можно задать вопрос: находится ли художник, ученый и т. п. в юридическом владении своим искусством, своей наукой?»² На основе подробного анализа этого вопроса Г. Гегель создал концепцию, согласно которой внутренняя собственность духа людей творческих профессий реализуется в их духовном творчестве, продукты которого с течением времени переходят во всеобщую собственность. Этот переход опосредуется практиками договорного отчуждения духовной собственности, входящей во внутреннюю собственность ученых, изобретателей – вообще тех людей, особенность которых состоит в том, что, руководствуясь своими интересами, они приносят пользу обществу в целом.

3. Г. Гегель подошел к понятиям «особенность» и «внутренняя собственность духа» диалектично и наряду с положительными для развития права аспектами правовой защиты особенности, внутренней собственности духа отметил ее негативные аспекты: «Особенность для себя есть излишество и безмерность, и формы этого излишества также безмерны. Своими представлениями и рефлексиями человек расширяет сферу своих вожеланий и ведет их в дурное бесконечное»³.

Философия права Г. Гегеля – пример того, насколько важен философский подход к праву, в частности, для совершенствования юридической практики. Критикуя юридические практики того времени, Гегель как будто предвидел опасные для общества последствия зарождающейся в юриспруденции тенденции приоритетного отношения к произволу и писал, что нередко судьи пытаются оправдать преступные поступки «восторженностью», т. е. состоянием обостренного непреодолимого желания. Гегель называл эту особенность «дурной особенностью». «Дурная особенность» – это то, что человек считает для себя возможным проявить на том лишь основании, что относится к этому «восторженно», не считаясь с тем, что это запрещено моралью, культурой, законом. Поэтому к правовой защите особенности нельзя относиться абстрактно, без учета характера ее конкретных проявлений. Правовые дозволения не должны противоречить моральным и культурным нормам только на том основании, что их нарушение некоторыми субъектами мотивируется «восторженностью»⁴. В «дурной особенностях» нет правовой всеобщности внутренней собственности духа. Если право защищает особенность только потому, что это особенность как таковая, то оно может послужить и «дурной особенностям». Это было написано Гегелем в начале XIX в., но в XX и XXI вв. сохранило актуальность: именно отождествление свободы и произвола стало доминирующим в западном правосознании с «легкой руки» постмодернизма.

Г. Гегель жил не в «башне из слоновой кости», а в правовом пространстве своей эпохи и оценивал разворачивающиеся в ней процессы через призму интересов человека: «Слава Богу! В наших государствах кодексы можно начинать с дефиниции человека – в качестве правоспособного индивидуума, – не опасаясь натолкнуться на права и обязанности человека, которые противоречили бы понятию человека. Разумны те законы, государственные устройства, которые соответствуют природе человека, понятию человека, свободе»⁵.

Г. Гегель в работе «Философия права» объяснял, почему право делает человека свободным. Во-первых, закон защищает человека от посягательств на его достоин-

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 83.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 385.

ство и собственность. (Человеческое достоинство Гегель относил к категории «внутренняя собственность духа» и причислял к ее элементам, кроме достоинства, таланта и других духовных ценностей, тело и жизнь.) Во-вторых, закон освобождает человека от бремени животных влечений. Развивая эту тему, лауреат Нобелевской премии Анри Бергсон доказал, что закон выполняет функцию морального контрфорса, предостерегая человека от преступных соблазнов. В-третьих, закон освобождает человека от мучительных рефлексий по поводу должного и запретного.

Кроме перечисленного, можно добавить, что закон предоставляет человеку свободу в выборе действий, поскольку структура юридической нормы содержит гипотезу, диспозицию и санкцию, что в совокупности дает субъекту права возможность учитывать в своем выборе его последствия. Так, в УК РФ нет прямых запретов, зато сообщается о мерах наказания применительно к ситуациям, предусмотренным в гипотезах и диспозициях юридических норм.

Развивая идеи Г. Гегеля, видные мыслители XX в. обосновали концепцию неустрашимости принуждения из правового регулирования в государстве любого типа, даже в условиях высокого уровня правосознания в обществе. Джон Ролз доказывал экзистенциальную потребность людей в принудительной силе закона: «Разумно предположить, что даже во вполне упорядоченном обществе полномочия правительства, связанные с принуждением, являются, до некоторой степени, необходимыми для стабильности социальной кооперации... Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположений о том, что другие не подчиняются правилам... Дело, скорее в том, что существование эффективного карающего механизма служит людям взаимной страховкой»¹.

В работах Г. Гегеля отсутствует понятие «правовое государство». Но он внимательно исследовал роль права в саморазвитии государства.

В контексте гегелевской философии предмет философии права – это логика саморазвития идеи права, лежащая в основе объективации человеческих смыслов в институционально-предметных формах права (прежде всего в законах).

Проблема правовой сущности наказания

Нарушая конкретную правовую норму, субъект тем самым нарушает право в целом. Наказание – это способ восстановления нарушенного права как для всего общества, так и для преступника как члена общества.

Законодатель не может достичь абсолютно точного соответствия наказания преступлению. Создав альтруистическую концепцию смысла человеческого бытия, Г. Фихте занимал уникальную позицию по вопросу о смертной казни: «Если человек – член рода своими действиями обозначил невозможность пребывать в этом роде, и если род осознал, что совершенные человеком преступления несовместимы с его бытием, то казнь – единственное средство. Но при этом род должен понимать, что, казня члена рода, он, в известном смысле, наносит себе ущерб, поэтому надо все-таки искать пути для того, чтобы дать преступнику время и тем самым возможность осознания недопустимости совершенного им зла... Чтобы в каждой личности признавать и уважать человеческий род, никто не может быть лишен жизни. Государство же должно прибегать к лишению преступника жизни лишь в случаях крайней необходимости и только тогда, когда не остается никаких других средств, ибо преступник все же остается членом рода и, как таковой, имеет право на возможно более долгую жизнь для самоисправления»².

Стоит заметить, что тема самоисправления преступника достаточно популярна в теории наказания, она нашла оригинальные интерпретации в практиках обернской и филадельфийской пенитенциарных систем. Что касается теории, то уместно сослаться на концепцию Г. Гегеля, согласно которой «если общество само еще недостаточно устойчиво, то наказания должны служить устрашающим примером, так как наказание само есть пример, направленный против примера преступления»³.

¹ Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 214.

² Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Сочинения. Т. 2. С. 580.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 285.

Синергетические аналогии методологических моделей классической философии права

Если попытаться глубже вникнуть в те определения, которые Гегель давал государству, то помимо метафорических аналогий: «нравственный универсум», «действительность нравственной идеи» – возникают ассоциации с синергетикой – наукой о сложных самоорганизующихся системах, функционирующих в авторефлексивном, автокаталитическом режиме. Эти ассоциации вполне обоснованны, если принять во внимание, что Гегель называет государство «соотносящимся с собой организмом»: «...индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное право*...»¹. Очевидно, что это сильно напоминает синергетическую модель социума, поскольку «соотносящийся с собой организм» в любом случае есть система, функционирующая в авторефлексивном режиме.

Аналогии такого рода, опережающие время, нередки в истории науки. Так, И. Ньютон задолго до теории микрочастиц пришел к выводу, что свет состоит из корпускул. Не избежал синергетических моделей и Г. Фихте, создав концепцию «целесообразного сообщества» – рода как самоорганизующейся системы, элементы которой пролонгируют ее существование в режиме диахронического суммирования продуцируемых ими ресурсов.

С начала XX в. расширяется методологический спектр философии права за счет использования синергетических моделей в правовом конструировании социальной реальности.

Гносеология права

Гносеология права – система знаний об источниках правового знания, о способах получения знаний о праве, изучающая различные теории истины с точки зрения их значения для права.

Понятный аппарат гносеологии права включает в себя понятия «истинность» (как характеристика текста), «истина» (ее виды), «метод» и другие понятия, входящие в лексикон методологической проблематики, «интерпретация» и другие понятия юридической герменевтики.

Истинность – это характеристика текста, придающая ему статус доказательства или основания для действий в соответствии с его содержанием. В юриспруденции важны четкие представления о видах истины.

1. Корреспондентская концепция истины (Аристотель): истина есть соответствие знания объекту. В борьбе правовых интересов значима степень обоснованности, легитимности конкурирующих позиций сторон, интерпретационных версий. При этом важнейшей составляющей такого рода легитимации являются предусмотренные законом способы установления достоверности всех видов информации – будь то заявления, свидетельские показания или экспертные заключения.

2. Конвенциональная концепция истины: истина – это продукт соглашения. В различных правовых системах этот концепт действует по-разному. Базовым он является в гражданском праве, но в американской правовой системе он применяется не только в цивилистике (там процессуальные порядки допускают соглашения между процессуальными фигурами по поводу будущего судебного решения не только по гражданским, но и по другим категориям дел). Примером реализации концепта конвенциональной истины является суд присяжных.

3. Прагматистская концепция истины: критерием истинности выступает успешность деятельности, основанной на ее содержании.

4. Концепция объективной истины. В. И. Ленин в работе «Философские тетради» рассматривал истину как процесс движения от явления к сущности (от сущности первого порядка к сущности второго порядка)².

Истина как процесс в юриспруденции выражается в иерархической инстанционной структуре правосудия.

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 285.

² Ленин В. И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1990. С. 200.

Эпистемология права

Эпистемология – это теория научного познания. Эпистема в древнегреческой философии – это понятийное знание, знание о сущностях. В качестве ее альтернативы выступает «докса» (мнение толпы, которую редко посещает здравый смысл).

В обществе стихийно складывается система «исторических априоризмов» (эпистем), т. е. основополагающих понятий, задающих мировоззренческие ориентиры, шкалу базовых ценностей. Они служат точкой отсчета в системе ценностей. Эпистемы действуют в социальном пространстве: в науке, искусстве, образовании, культуре, юриспруденции, если говорить о правовых коммуникациях. В правовой коммуникации правовые эпистемы выполняют роль базовых носителей правовых ценностей, методологий.

В эпистемологии конкретной правовой системы представлены методологические и мировоззренческие ориентиры, позволяющие законодателю, правоведам с высокой степенью точности выявлять объективные основания правообразования, которое не должно зависеть от корпоративных интересов (лоббизма) и случайного стечения обстоятельств. К числу доминирующих эпистем национального права относятся базовые понятия, отражающие государственно-правовой идеал.

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Дигесты Юстиниана: в 8 т. / пер. с лат., отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1. Кн. 1–5. 583 с.
- Кант И. Об отношении теории к практике в морали вообще // *Кант И. Собрание сочинений*: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 717 с.
- Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: к вечному миру*. Алматы: ВШП «Эділет», 1999. 153 с.
- Кант И. *Метафизика нравов в двух частях. 1797* // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
- Кант И. *Основы метафизики нравственности. 1785* // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219–310.
- Ленин В. И. *Философские тетради*. М.: Политиздат, 1990. 640 с.
- Малинова И. П. *Философия права и юридическая герменевтика: моногр.* 2-е изд. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2015. 200 с.
- Ницше Ф. *К генеалогии морали: полемическое сочинение* // *Ницше Ф. Сочинения*: в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флеровой; сост. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–524.
- Ролз Д. *Теория справедливости* / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. 534 с.
- Фихте И. Г. *Несколько лекций о назначении ученого* // *Фихте И. Г. Сочинения*: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 7–64.
- Фихте И. Г. *Основные черты современной эпохи* // *Фихте И. Г. Сочинения*: в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 359–618.
- Фукуяма Ф., Бродель Ф. *Триумф глобализма. Конец истории или начало?* / пер. с фр. Л. Е. Куббея, пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Родина, 2018. 238 с.
- Хикс С. *Объясняя постмодернизм*. М.: РИПОЛ классик, 2021. 320 с.

References

- Fichte I. G. (1993) Neskol'ko lektsii o naznachenii uchenogo [Several lectures on the appointment of a scientist]. In Fichte I. G. *Sochineniya: in 2 vols.*, compiled by V. Volzhskii. St. Petersburg, Mifril, vol. 2, pp. 7–64.
- Fichte I. G. (1993) Osnovnye cherty sovremennoi epokhi [The main features of the modern era]. In Fichte I. G. *Sochineniya: in 2 vols.*, compiled by V. Volzhskii. St. Petersburg, Mifril, vol. 2, pp. 359–618.
- Fukuyama F., Brodel' F. (2018) *Triumf globalizma. Konets istorii ili nachalo?* [The triumph of globalism. The end of history or the beginning?], transl. from French by L. E. Kubbel', transl. from Eng. by M. B. Levin. Moscow, Rodina, 238 p.
- Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.
- Hicks S. (2021) *Ob'yasnyaya postmodernizm* [Explaining postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik, 320 p.
- Kant I. (1965) *Metafizika nravov v dvukh chastyakh. 1797* [Metaphysics of morals in two parts. 1797]. In Kant I. *Sochineniya: in 6 vols.* Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 107–438.
- Kant I. (1966) *Osnovy metafiziki nravstvennosti. 1785* [Fundamentals of the metaphysics of morality. 1785]. In Kant I. *Sochineniya: in 6 vols.* Moscow, Mysl', vol. 4, part 1, pp. 219–310.

Kant I. (1994) Ob otnoshenii teorii k praktike v morali voobshche [On the relation of theory to practice in morality in general]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols.* Moscow, ChORO, vol. 8, 717 p.

Kant I. (1999) *Ideya vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane: k vechnomu miru* [The idea of universal history in the world-civil plan: towards eternal peace]. Almaty, VShP «Эдilet», 153 p.

Kofanov L. L. (Ed.) (2002) *Digesty Yustiniana* [Digests of Justinian]: in 8 vols., transl. from Latin. Moscow, Statut, vol. 1, books 1–5, 583 p.

Lenin V. I. (1990) *Filosofskie tetradi* [Philosophical notebooks]. Moscow, Politizdat, 640 p.

Malinova I. P. (2015) *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika* [Philosophy of law and legal hermeneutics], 2nd ed. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 200 p.

Nietzsche F. (1990) K genealogii morali: polemicheskoe sochinenie [On the genealogy of morality: a polemical essay]. In Nietzsche F. *Sochineniya: in 2 vols.*, transl. from German by Yu. M. Antonovskii, N. Polilov, K. A. Svas'yan, V. A. Flerova; ed. by K. A. Svas'yan. Moscow, Mysl', vol. 2, pp. 407–524.

Rawls D. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice], transl. from Eng. by V. V. Tselishchev, V. N. Karpovich, A. A. Shevchenko. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 534 p.